

12 октября 1979 г.

Исполнилось 50 лет со дня рождения и 35 лет творческой деятельности композитора и дирижера, народного артиста СССР и Киргизской ССР, лауреата Государственной премии СССР Калыя Молдобасанова.

Творческий облик Калыя Молдобасанова, вступившего ныне в пору творческой зрелости, его своеобразная композиционная индивидуальность прочно связаны с театром. Однако сказать, что Молдобасанов — «театральный композитор», значит сказать о нем далеко не все. Молдобасанов интенсивно и успешно работает в этой специфической области искусства уже немало лет. Высшее достижение и наибольшая творческая удача — на сегодняшний день — ожидали его именно здесь: балет-оратория «Материнское поле» был удостоен Государ-

людю, хранители главного сокровища киргизской культуры, часто бывали в нашем доме: Муса Баатов, Шаршен Термечиков, Атай Огонбаев, Калык Акиев, Карамолдо Орозов, Манасчи — не просто сказитель, не просто импровизатор: он непременно актер. «Манас» не мог бы сохраниться и через века дойти до нас, если бы не искусство перевоплощения, глубинный, органичный артистизм его носителей, переживающих всегда судьбу своих героев как свою собственную. Театр в буквальном смысле слова был неведом киргизу, именно через манасчи вошел он издавна в жизненный опыт народа.

— В вашем «Материнском поле», получившем широкую известность, связь с эпосом, по моему, явственна на всех уровнях: и в плане образных перевоплощений, данных очень крупно, мас-

тельных, живых, остроумных и теплых произведений К. Молдобасанова. Десять песен, составляющих цикл, — это десять игровых сцен с такими милыми персонажами — «ребята и зверята»...

— Наверно, не случайно эта тема продолжала меня занимать и позже. Сегодняшняя работа — балет-сказка «Лисица-пленица» — тоже о дружбе детей и зверей. Хочется, чтобы юные зрители моего будущего балета сумели разглядеть за масками волна, лисицы, множества других «звериных» персонажей черты людей, добрых и злых, смелых и трусливых...

— Цикл «Счастливые дети» написан для детей, но предназначен для «зрелого» исполнителя — сопрано. Между тем у вас много сочинений, которые могут быть не только восприняты, но и исполнены детьми. Это и песни, и инструментальные пьесы...

— Я считаю, что проблема синтеза национального и современного в первую очередь должна быть решена в музыке для детей, в школьном репертуаре. Мы воспитываем новое поколение, которое должно многое слышать иначе, чем мы. Да они уже слышат иначе, наши дети! Когда наблюдаешь за тем, как и что они поют и играют, какие музыкальные впечатления предпочитают, невольно думаешь, что мы уже опоздали. На десять — пятнадцать лет опоздали за их развитием! Все еще сочиняем для них упрощенно, давая легкую «пищу для слуха», а им уже нужна вполне серьезная «пища для ума». Особенно важна здесь полифония. Пьесы педагогического репертуара, где были бы представлены многообразные «поли» — полифоничность, полиметрия — на национальном материале. Таковую цель я и ставил перед собой в нескольких циклах фортепианных пьес для детской музыкальной школы.

— Я позволю себе попросить у вас музыкальный «автограф», вашу тему, которую вы любите больше других и которая, на ваш взгляд, могла бы служить эмблемой молдобасановского стиля...

— Я не мог бы выбрать для этого единственную мелодию. Если бы такой автограф мне нужно было подарить большой аудитории, выбрал бы лейтмотив народа из «Материнского поля». А если бы для себя? Своего рода монолог наедине с собой, исповедь... Я вспомнил бы свою раннюю пьесу, «Красный мяч» — это мое первое опубликованное сочинение. Оно мне как-то особенно дорого...

Поблагодарив Калыя Молдобасановича за беседу, я размышляла о том, что же впереди у композитора, отмечавшего свое пятидесятилетие.

Удивительно! Музыкант, обладающий ярким драматургическим талантом, еще не прикоснулся к высшей сфере музыкальной драматургии — к симфонии. Творческая личность, артистическая во всех своих проявлениях — и не попробовал еще своего пера в самом «игровом» инструментальном жанре, жанре концерта. Впрочем, последние опусы Молдобасанова, — пьесы для флейты, для гобоя с фортепиано, — явственно обозначают направленность его мысли: «показатель театральности» в них чрезвычайно высоки. И если позволительно прогнозировать дальнейший путь композитора, то очень хочется предвидеть рождение именно «большой» инструментальной драматургии: симфонии, концерта... А то, что этих жанров в списке сочинений К. Молдобасанова до сих пор нет, естественно объяснить высокой, строгой требовательностью к себе, — непререкаемой спутницей большого таланта.

Вела беседу
Л. КРЫЛОВА.

На снимке: композитор и дирижер Калыя МОЛДОБАСАНОВ.

Фото В. Жигайлова.

АВТОГРАФ — МУЗЫКА

ственной премии СССР; спектакль сразу же обрел популярность, будучи поставлен в нескольких оперных театрах страны и за рубежом. Самым значительным и масштабным сочинением периода до «Материнского поля» был балет «Куйручук». И то, что не так давно композитор вернулся к нему, существенно переработав во второй редакции, еще раз подтвердило неослабевающий интерес К. Молдобасанова к театру. Более того, сейчас близится к завершению новый балет, сказка «Лисица-пленица». Расширится спектр «внутрижанровых вариаций на общую тему» — к комическому и лирико-трагедийному прибавится детский спектакль...

Между тем основное «наклонение» творчества Молдобасанова проявляется не только в этом. Отчетливо театральное мышление композитора проступает и за пределами жанра: в музыке инструментальной, камерно-вокальной. Музыкально-артистический дар просвечивает и в инструментальной пьесе, а порой и в незатейливой детской песне. «Сценическое», игровое начало направляет композиторское письмо, организует стиль как характерную целостность, служит основным образно-эстетическим ориентиром.

Театральность у Молдобасанова «в крови». Под его пером даже фортепианная миниатюра превращается в своеобразный, живой сюжетный спектакль, «играет» и лад, и аккорд, и тема. Из «настоящего» театра сюда приходит и большое — драматургия, взаимоотношения «персонажей», и малое — «артистизм детали», меткий штрих, точная характеристика.

— Чувство театра — наследство, полученное от отца, — говорит К. Молдобасанов. — А в нем для меня собрана вся культура киргизских музыкантов-артистов: манасчи, акынов. Наверное, искусство отца — го главное впечатление, которое определило мою жизнь, мое дело. Отец, Молдобасан Мусульманкулов, был для меня образцом не только артиста, импровизатора певца. Какая это была личность, какой обаятельный человек! Он нес людям свое искусство, и это не просто громкая фраза. Рассказывал и пел он разное: и отрывки из «Манаса» (особенно хорошо знал он «Семетей»), и малый эпос, сказки, истории племени... Многие драгоценные строки нашего национального эпоса были записаны от него. И от его друзей-манасчи. Эти

штабно, и в общей народной трагической концепции, и в генезисе музыкального материала. Несклько отклонившись от нашей основной темы, хочу спросить: имело ли для вас значение то, что у героини повести Айтматова «Материнское поле» был реальный прототип, или вы представляете себе «обобщенную» Толгонай?

— Я видел потрясающие документальные кадры к фильму о Чингизе Айтматове: в далеком аиле писатель разговаривает со своей Толгонай! Она уже совсем старенькая. Он говорит ей: «Поедем со мной в город, тебе там будет хорошо». А она: «Нет, я здесь подожду сына. Он отсюда ушел на войну» и сюда же воротится... — И взгляд ее тверд и невозмутим, а лицо все в горестных глубоких морщинах. — Нет, я подожду его здесь...

Пусть Толгонай похожа на многих. Ее негибкая стойкость, гордая, высокая, поднятая голова и щедрое сердце, открытое всему народу, так необходимы были в трудные военные дни... Но если она непохожа на ту старую женщину, которая на пороге своего дома десятилетиями ждет сына, не потеряв веру в то, что увидит его, тогда Толгонай просто нет...

Вот и Куйручук тоже... Мне важен был тот, живой Куйручук. Я не успел узнать его, но отец много рассказывал об этом удивительном весельчаке, комике, которого болелись бая пушице целого войска. Злой, меткий язык был у Куйручука.

В центре действия новой редакции балета — судьба самого Куйручука. Это позволило перестроить массовые сцены, укрупнить образы, уточнить драматургию спектакля. Спектакль получился веселый, динамичный, в нем много юмора, переосмысления, узнаваний, традиционных для комедии чисто игровых ситуаций...

Свойство театральности присуще и неспенической музыке Молдобасанова. Симфонические танцы, кантаты, в том числе самая новая, написанная к столетию города Фрунзе (она представляется мне наиболее удачной, вдохновенно приветствующей праздник столицы), и программные симфонические картины «В стане Манаса» и «Легенда»...

Любимы и популярны в Киргизии многочисленные песни и романсы композитора. Из вокальных сочинений, написанных в последние годы, выделяется цикл «Счастливые дети» на слова поэта Т. Кожомбердиева. Это, по моему, одно из самых обя-